

— Дочь хозяйки возвращалась домой после ужина с друзьями, когда её сбил владелец ресторана. В машине валялись пустые бутылки — должно быть, Парк Аттракционов намекает, что тот был пьян. Сбив девушку, хозяин, чтобы не заморачиваться с проблемами, отвёз её тело к себе в заведение. А там повар — маньяк-убийца, любит пускать жертв на еду. Владелец, видимо, знал об этом, но в полицию не обратился, а попросил того «разобраться» с телом. Кровь, наверное, слили в красное вино и подали гостям. Вот почему хозяйка так возненавидела того Созвездие, что пил кровь её дочери, — явилась ночью и размазала его собственную кровь по всей комнате.

Сказал много и одним духом, Бай Ян перевёл дыхание и продолжил:

— Судя по тому, как выглядело тело, после аварии девушка была ещё жива. Повар уже начал её разделять, как она вдруг очнулась. Тогда он ударил её по голове чем-то тяжёлым и тупым — проломил череп, вот тогда она и умерла. Должно быть, перед смертью испытала жуткий страх и лютую ненависть... А потом её кровь ещё и раздали людям пить. Накопившаяся злоба уж точно так просто не уляжется. Я подозреваю, что повара убила именно она, обернувшись злобным духом, а после смерти попала в Парк Аттракционов — жаль, только владельца, что сбил её, упустила.

□То есть хозяин ресторана ещё жив?!□

□Значит, та забегаловка до сих пор работает?!□

□А-а-а, одна мысль об этом леденит душу!!□

□Полиции бы срочно проверить!!□

Цинь Бугуй спросил:

— Побочное задание не показывает выполнение. Ты не сводил хозяйку к дочери?

Бай Ян развёл руками:

— А как сводить? Так вот взять и прийти? Мы с бабкой-хозяйкой явно не потянули бы против них...

Цинь Бугуй понял:

— Хочешь свести её ночью? Рискованно.

— Дочь-злой дух плюс старуха-злой дух против повара-духа и хозяина-человека — проблем быть не должно, — улыбнулся Бай Ян.

Цинь Бугуй говорил о риске не потому, что сомневался в их силе, а потому, что не хотел пускать живого Бай Яна в такую мясорубку между нежитью.

— Я пойду с тобой и с ними, — сказал он.

— Ты обо мне беспокоишься? — лицо Бай Яна тут же озарилось сияющей улыбкой.

Зрители, смотревшие с его ракурса, увидели, как экран залился тёплыми тонами, словно в воздухе запрыгали розовые сердечки. Даже резковатые черты Цинь Бугуя смягчились — вот он, миг, когда юноша влюбляется.

Публика дружно перекрасила комментарии в розовый цвет:

□Завидую белой завистью!□

□Эти собачьи радости с лимонной кислинкой!□

□Забота холодного божества так трогает...□

□У-у-у, и я хочу любви!□

Было ещё рано. Бай Ян зевнул и тут же нырнул под одеяло к Цинь Бую.

Тот уступил ему уже согретое место — сам он выспался.

Бай Ян жалобно уцепился за его рукав:

— Не уходи, я один не усну...

Цинь Бугуй ответил:

— Оставлю их с тобой.

Бай Ян в ужасе:

— Я же духов боюсь! Ты хочешь, чтобы они на меня, пока я сплю, смотрели?!

Цинь Бугуй: «...» А кто вчера громче всех в карты с Учаном рубился? Совесть не грызёт?

— Не уходи, не уходи, останься со мной, — заныл Бай Ян.

□Боже, кто этот щенок? Такой сладкий!□

□Сердце тает.□

□Я бы ни за что не устояла_(:з)∠)_□

Цинь Бугуй, которого тот не отпускал, вынужденно вернулся на место и смотрел на этого приставучего парня с безразличием. Тот, довольно хихикнув, улёгся, ощущая всепроникающее тепло, оставшееся от Цинь Бугуя, и, шмыгнув носом, заявил:

— Пахнет тобой!

Цинь Бугуй: «...» Пахнет плесенью от гостиницы.

Он потрепал Бай Яна по голове, веля тому спать. Тот, пользуясь моментом, обхватил его за тонкую талию, а потом и вовсе уложил голову ему на колени, будто приклеился.

— Чтобы ты, пока я сплю, не сбежал! — с важным видом пояснил юноша.

Цинь Бугуй просто не знал, что с ним делать.

— Спи давай.

— Ладно-ладно, — Бай Ян хихикнул, прижавшись щекой к животу Цинь Бугуя, и лукаво протянул:

— О-о-о, какой рельефный пресс... Раз, два, три... — И он принялся считать, скользя ладонью по мышцам.

Цинь Бугуй: «...»

□А-а-а, я тоже хочу на колени к божеству!! И пресс потрогать!!□

□Зависть по-настоящему гложет qaq□

□Как тут вообще уснуть?? Попробуй-ка!□

□Разве что в другом смысле «уснуть»...□

Когда Бай Ян начал слишком уж распоясываться, Цинь Бугуй поднялся с кровати, устроился на стуле и, скрестив руки, холодно уставился на него.

Тот смущённо хихикнул, зарылся в одеяло и благостно сказал:

— Я уже сплю.

Цинь Бугуй ответил:

— Не уснёшь — будешь в коме.

— ...Как жестоко, — захныкал Бай Ян.

Он закрыл глаза, зевнул и вскоре под взглядом Цинь Бугуя погрузился в сон. На этот раз спал он безмятежно.

Многие зрители заметили, каким взглядом Цинь Бугуй смотрел на спящего Бай Яна. Такое отношение, проявляющееся, когда никто не видит, говорит само за себя. Перед экранами люди расплывались в одинаковых умильных улыбках, извиваясь на стульях и тихонько похихикивая.

Тем временем Созвездия, пережившие первую ночь, весь день в страхе исследовали улицы, полные скрытых побочных сюжетов. Как и ожидалось, мастер самовыпила Моцзе стал третьим после Цинь Бугуя и Бай Яна, кто выполнил третье задание. С окровавленным лбом, но с сияющей улыбкой он вбежал в апартаменты. Выглядел он не как человек, едва унёсший ноги от погони, а скорее как посетитель парка, только что слезший с американских горок и жаждущий прокатиться ещё раз.

Он вытер со лба пот, почувствовал голод и решил спросить у хозяина ресторана, будет ли сегодня горячий котёл. В каком-то смысле его упрямство в еде спасло ему жизнь, избавив от встречи с хозяйкой и её дочерью-злым духом — в западном шведском столе редко встретишь такое блюдо.

Вспоминая ресторан, Моцзе невольно подумал о том человеке в костюме, которого видел там вчера. Его аура была поистине незабываемой.

Обычно те, кто побывал в Парке Аттракционов, возвращаются в реальный мир с особым, изменённым душевным складом — или скорее, аурой. Это либо безразличие к жизни и смерти, навеянное многократными встречами с концом, либо ясное понимание своих желаний, рождённое созерцанием всех мыслимых крайностей. От них невольно веет необъяснимым, инстинктивным почтением и страхом.

Большинство из них — те, кто в копиях Парка сам отправлял других на смерть. По жестокости и бесчеловечности им нет равных среди обычных людей. Они живут, отсчитывая дни до следующего кризиса, точно зная, сколько им осталось и какие испытания впереди. Глядя на обывателей, безмятежно живущих в мирном мире, они невольно проникаются сложной, невысказанной смесью презрения, зависти и тоски — в общем, холодной отчуждённостью, чуждой современному обществу.

<http://bllate.org/book/16254/1462278>